

# СТАТЬИ

## УБИТЫЕ ПОЭТЫ

В Париже теперь поэты Дивуар и Пикар издают «Bulletin des ecrivains»<sup>86</sup>. На первой странице бюллетеня мелким петитом в три столбца напечатаны имена убитых писателей. С каждым месяцем столбцы растут, в майском выпуске было уже больше трехсот имен. В начале списка — Шарль Пеги, убитый при Марне, один из самых выдающихся личностей Франции, большой человек и истинный поэт. За ним убитые после, при Изере, в Шампани, у Вердена, погибшие незаметно, в дни, когда «извещение» сообщает «день прошел спокойно».

Большей части убитых писателей не было еще тридцати лет, все это юноши, успевшие написать два-три сборника полудетских стихов. Но и среди них есть имена знакомые, книги которых запомнились, которые успели уже сказать хоть несколько своих собственных слов.

Эмиль Деспакс, убитый в январе 1915 г., оставил два сборника стихотворений — «На пороге степи» и «Дом в глициниях». У них много общего с печальным поэтом «своей души инфанты» — А. Самэном. Болезненная чувствительность, изысканность, мелкая раз-

---

<sup>86</sup> Перечень писателей (франц.).

ветвленность каждого незаметного переживания — вот существо поэзии Деспакса. Осенние сумерки в пустынных побережьях Жиронды, звуки уже неясные, краски уже неразличимые, не страсти, не радость печали — все это у Деспакса изображено редко и умело. Сам ритм его стихов сглаживает значение слова, остроту мысли, напоминает его родные места, текучий, как песок, и монотонный, как плеск волн. От своих оттенков, от полочувств Деспаксу бывало часто просто скучно и тогда он признавался, что комната мнится ему уже гробом, что больше он не умеет отличать запах ладана от духов своей возлюбленной. Но скука никогда не доходит до отчаяния, ибо она у него своя, интимная, почти уютная.

Дезарно в своем единственном сборнике «Майоран» описывает светлое небо родного Анжу, покойные воды Луары, покинутые замки Ренессанса. Часто он невольно напоминает дю Белле — певца Анжу, одного из лучших поэтов «Плеяды»:

...и шум Луары  
Ясней, чем Тибра ропот старый,  
Всего прекрасней — ночь Анжу.

В стихах Дезарно есть особая прелесть старых усадеб Франции, еле сохранившаяся, как запах выдохшихся духов, ясность и стройность пейзажа в октябрьский день, лай гончих, звук рога и любовь нечувственная, полуусловная, капризно-милая, как песенка старой Франции о любимом цветке Майоране.

Стариной жил и Лотре, увлеченный любовной лирикой труверов XII и XIII веков. Часто в его милых и искренних стихах о растаявшем ручье, о зацветающем шиповнике в синие вечера апреля слышится беспечная песнь какого-нибудь Коленмизе или Видаля. Он любил сплетенные в венок безвкусные, повторяющиеся рифмы этих старых поэтов. Его «Дафнис и Хлоя», как-то заранее знакомы, не увлекают, не потрясают, не веют непреодолимым обаянием.

Любящих поэзию, суровую и некрасочную, монаха Карфнелля порадует «Крыло любви» Анри Гунейя. Без лишних слов, но образно, с каким-то благородством бедности он описывает этапы вознесения своего духа. Христианство у него лишено пышности католицизма, часто слова трепетные или страстные он произносит голосом сухим, точно диктуя законы. Это гугенот, но не страстный Обинье, а скорее Коллинз. Приближаясь к жизни чувственной, он преображает ее своим строгим холодом, плоть заменяя мрамором, а слезы стансами.

Оливье Ургад погиб в начале войны, ему было всего 23 года. Но две книги его стихов «Песни Гаскони и Пиреней» и <нрзб. — Б. Ф.> несомненно любопытны и привлекательны. Из песен пиренейских пастухов и гасконских виноделов он взял форму непринужденную, гибкую и выразительную. Молодая радость жизни, близость к родной природе составили содержание его немногочисленных стихотворений. Старушка в косынке, прялка, далекое «Ave», все, что еще не стерто мэрией и парижским романсом, встает в его стихах. Он описывает места, знакомые уже нам по книгам Франсиса Жамма, но особая легкость духа отличает его от полновесной поэзии ортэзского поэта.

Я указал здесь лишь на немногих из погибших поэтов. Как не назвать соратника Мореаса в борьбе за «романскую школу» Люпеля де-Рье, парнасца Шарля Дюма, нежного Готье-Феррьера, острого Жака Бернара, написавшего, между прочим, одну из лучших книг о Вийоне?

Все они и многие иные были, безусловно, талантливы, все они умерли, не успев выявить себя. Их молодые годы устранили то ощущение безнадежности, которое оставляет после себя всякая, даже весьма талантливая книга современных французских стихов. Читая эти нежные бредни, казалось, быть может, ошибочно, что тот или иной из молодых поэтов сумеет разорвать страшный круг изысканной пустоты, в котором замкнута ныне поэзия. Теперь эти надежды жизнью устранены, ранняя жертва совершена, а список в «бюллетене» еще не закрыт. Остается верить, что это не тщетные жертвы, что немногие уцелевшие принесут назад иное, быть может, страшное, но подлинное.

*Париж, июнь 1916 <8 июля 1916>*

## **ФРАНЦИЯ И ВОЙНА. «ЗАВТРА»**

Теперь во Франции все чаще и чаще говорят о том, что готовит нам «завтра», какова будет жизнь после заключения мира. Одни склонны думать, что война ляжет непроходимым рубежом между новой Францией и прежней, другие, наоборот, ждут мира как возврата к жизни июля 1914 г. Трудно угадать теперь, на чьей стороне правда, недаром Францию зовут «страной неожиданностей». Отказываясь предсказывать, я попытаюсь изложить «предсказания» других ка-